

характерное для природы заповедника в целом, т.е. типизирует реальность.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/baht_form/10.php (дата обращения: 20.01.2013).

Волков И.Ф. Теория литературы / И.Ф. Волков. – М. : Просвещение, 1995. – 256 с.

Голгофская К. Кавказский заповедник / К. Голгофская // Литературная Адыгея. – 2000-2001.

Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. / И.А. Гончаров. – Т. 8. – М. : Правда, 1952. – 541 с.

Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2001 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text/71.htm> (дата обращения: 09.09.2012).

Путевой очерк // Школьный портал [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://skola.ogreland.lv/literatura/teorija/_private/ocherk2.htm (дата обращения: 11.11.2012).

Смелкова З.С. и др. Риторические основы создания газетных жанров / З.С. Смелкова, Л.В. Ассуирова, М.Р. Савова, О.А. Сальникова. – М. : Флинта : Наука, 2003 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/88.htm> (дата обращения: 14.01.2013).

Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В РОМАНЕ Д.Н. БЕГИЧЕВА «СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХ. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВОВ И ОБРАЗА ЖИЗНИ, СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХ ДВОРЯН»

Е.В. Калашикова

*Научный руководитель: Л.В. Жаравина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Русская классическая литература, особенно второй половины XIX века, раскрывает тему семьи и семейных ценностей с такой широтой, которая не была присуща писателям предыдущих литературных эпох. Как часть общих социальных проблем, семейная тема вписывалась в общую парадигму морально-этических ценностей, подчиняясь «вечным» требованиям быта и бытия. По словам Н.А. Бердяева, семья «связана с социальной обыденностью и подчинена ее законам» [Бердяев 1993: 207] – это истина на все времена. Однако реализовывалась она по-разному, в зависимости от характера общественных отношений, своеобразия

творческой индивидуальности автора и, главное, той роли, которая отводилась искусству слова в различные исторические эпохи. Мы не будем касаться древнерусской (средневековой) словесности, но в XVIII – первых десятилетиях XIX веков, когда доминировали наставительно-морализаторские тенденции, художественное произведение было реальным «учебником жизни», построенным по принципам сопоставления противоположных моделей поведения отрицательных и положительных персонажей, их реакции на проявления добра и зла, которые большей частью конструировались на основе взглядов самого писателя. Если человеческая природа представлена писателем «в самом жалком противоречии с божественной идеей истинного изящества», то это потому, что «с одной стороны – зло, вечно враждующее с благом, с другой – неверование в высокое назначение человека, ожесточили несчастного противу людей», – писал некий Василий Лебедев, перенося характеристику индивидуума на более крупные сообщества, в том числе и семейные союзы [Лебедев 1833: 5].

Стремление избежать наставительного морализаторства заостряло интерес на явлениях и вопросах повседневной обыденной жизни, что получило адекватное отражение в творчестве русских классиков-реалистов, начиная с А.С. Грибоедова. Не меньшее (если не большее) внимание уделяли семейным проблемам в аспекте нраво- и бытоописательства и авторы так называемого «второго ряда», ориентировавшиеся на «среднего» читателя. В этом плане весьма показателен роман Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских», пронизанный «мыслью семейной» как, пожалуй, никакое другое произведение своего времени.

Именно за это качество произведение Д.Н. Бегичева высоко ценил Л.Н. Толстой. Испытав его влияние в юношеские годы [Русские писатели 1990: 73], он, как известно, в романе «Война и мир» поставил «мысль семейную» на один уровень с «мыслью народной», а «Анну Каренину» целиком подчинил ей.

В самом названии романа – «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» – автор не случайно ставит рядом однокоренные слова «семейство» и «семейной». Это сознательно сделанный акцент. Именно проблемы семьи, их описание в повседневных бытовых подробностях, просвещение читателя в делах семейных – вот основная цель, которые писатель ставил перед собой.

Все герои романа, так или иначе, рассматриваются в аспекте семейной жизни. В авторском повествовании, описании жизненных ситуаций, в беседах самих персонажей, в письмах (коими изобилует произведение) – везде раскрывается то или иное отношение к семье и

семейным ценностям.

Так, накануне свадеб двух своих дочерей Наталья Алексеевна Холмская, одна из главных героинь повествования, говорит о семейном счастье как о совокупности искренних чувств и материального благосостояния: «Одно только большое состояние, так же как и одна только страстная любовь – равно недостаточны. Никогда не одобряю привязанности к интересу, но восстаю также и против тех, кто, предавшись романтическим идеям, не хочет нисколько подумать, что бедность отравляет нашу жизнь и делает несчастливymi, не смотря ни на какую любовь...» [Бегичев 1841, ч. 1: 29]. Героиня не отвергает искренних чувств в угоду материальным ценностям, но своими словами призывает отказаться от страстей, заставляющих человека забыть о бытовых насущных проблемах. Чувство и разум – вот две составляющих счастливой семьи в понимании матери семейства Холмских. И ее мнение основано на опыте собственной семейной жизни. Но не только сердце и разум участвуют в семейном благополучии (и это важнейший момент в размышлениях Холмской): «Мысль о том, что во всех случаях жизни, и особенно в супружестве, всю надежду свою возлагать должно на милость Божию, успокаивала ее... Словом: вся человеческая премудрость ничтожна, и во всех должно полагаться на милосердие Бога» [Бегичев 1841, ч. 1: 60]. Божественная благодать, участие Бога в людских делах – главное в соединении судеб человеческих в одно целое, составляющее семью. Таково одно из представлений о семейной жизни «среднего» человека дворянского общества XIX века, основой которых является православное мышление. Перенесенное в реальность, конечно, оно представляется идеализированным.

Другая героиня – Прасковья Васильевна Свияжская – говорит о том, что «счастье в супружестве зависит более от характеров и склонностей, чем от богатства или бедности» [Бегичев 1841, ч. 1: 67]. И если характеры схожи, а склонности одинаковы, то жизнь семейная не будет никого тяготить, независимо от материального благосостояния. И она же напоминает, как подобает вести себя жене, следуя библейской заповеди «жена да убоится мужа своего»: «Несчастный и жалкий характер той жены, которая хочет взять поверхность над своим мужем... Сила характера женщины обнаруживается в смирении и в твердом исполнении обязанностей здешней жизни» [Бегичев 1841, ч. 1: 127]. И позже в другой беседе из уст той же героини мы слышим: «От того мало счастливых супружеств, что не умеют, и не стараются внушить девушкам настоящего понятия о том, в чем состоит важная и священная обязанность супруги и матери семейства» [Бегичев 1841, ч. 1: 221]. Светское и библейское идут рядом в сознании персонажей старшего поколения, опирающегося на

каноны дворянского воспитания и жизненный опыт.

Продолжая аналогичные рассуждения во второй части романа, Свияжская выводит психологическую формулу семейной жизни, выстраивая иерархию степеней счастья и несчастья. Счастье состоит из переходов от «совершенного блаженства» к благополучию, от него к довольству, затем к равнодушию. А несчастье состоит в трех степенях: неудовольствие, несчастье и «совершенное бедствие». И по-настоящему счастливыми могут быть те семьи, по мнению героини, где оба супруга могут остановиться на средней ступени счастья – благополучии [Бегичев 1841, ч. 2: 23], т.е. найти «золотую середину».

Молодые героини повествования, сестры Елисавета, Катерина и Софья Холмские, описанием своих судеб как будто представляют собой иллюстрации к рассуждениям старшего поколения, ведь их семьи и само построение семейной жизни являются предметом обсуждения в беседах и письмах.

Причем показательно, что сначала семейная жизнь идеализируются представителями мужского пола, еще не успевшими вкусить ее. Так, практичный рационалист князь Рамирский, восхитившись музыкальными способностями своей будущей невесты Елисаветы Холмской, предается самым необузданным идеалистическим мечтаниям: «Воображение представило ему семейственную жизнь в самом привлекательном виде; прелестная жена и дети мелькали перед ним» [Бегичев 1841, ч. 1: 11]. Семейный уют ассоциируется у князя с прелестной женщиной, музицирующей по вечерам в гостиной, и детьми, ради которых и строится семья, которые являются продолжением своих родителей, носителями унаследованных от них лучших качеств.

Но если направление мыслей Рамирского вполне благоразумно, то мечты другого персонажа, Аглаева, направлены более на внешнюю сторону семейного обустройства. Примером подобной праздной мечтательности и вычурного эстетства (в духе гоголевского Манилова) является задуманная героем «беседка под названием Храм Гименея на одном возвышении близ дома» [Бегичев 1841, ч. 1: 51]. Конечно, за подобным стремлением к ложной красоте стоит эмоционально-интеллектуальная ограниченность, однако своим внутренним символизмом название беседки «Храм Гименея» именно как Храм Семьи придает семейным ценностям сакральное значение, хотя и в таком вычурном виде.

В дальнейшем развитии сюжета мечты обоих персонажей сталкиваются с реалиями повседневной жизни, «характеры» и «склонности», о которых говорила Свияжская, действительно сыграют главную роль в судьбах семей героев. Для Рамирского семья по-прежнему

останется идеалом, который смягчит его отношение к окружающему миру. Аглаев же, стремясь жить выше своих возможностей, из восторженного и сентиментального мечтателя превращается в картежника и обманщика.

Точка зрения автора, так или иначе, выражена в самовысказываниях и диалогах героев, и прежде всего в высказываниях Свяжской и Софьи. По мнению Н.П. Плечовой именно эти героини являются носительницами авторской позиции [Плечова: электрон. ресурс]. Их слова чаще всего назидательны, безапелляционны и нарочито правильны, их поступки и вся их жизнь – пример для подражания. Именно семья Софьи и Пронского становится в романе примером идеальной семьи.

Но и в собственно авторском повествовании мы находим рассуждения о составляющих семейного благополучия. Так, писатель рассуждает о мелочах быта, которые могут повлиять на отношения супругов: «...в супружеской жизни надобно иметь непрерывное внимание за собою, не пренебрегать никакими мелочами, и что иногда, как кажется по видимому, безделицы – влекут за собою самые пагубные последствия» [Бегичев 1841, ч. 1: 140]. И сам Д.Н. Бегичев, рассказывая о семейной жизни своих героев, старается не упустить ни одного нюанса отношений, ни одной мелочи и «безделицы», отмечая тем самым важность повседневной жизни семьи, бытовых подробностей и так называемых «низких» обыденных проблем, которыми живут не только его герои, но и его читатели.

Помимо семьи Холмских, вниманию читателей представлена масса персонажей, каждый из которых обрисован детально. И хотя образы эти схематичны, а порой ироничны и карикатурны (Рамирские, Сундуковы, Фамусовы), но их всех объединяет одно – рассмотрение автором через призму семейных отношений.

Автор романа о семействе Холмских стремится раскрыть проблемы семьи, пронося «мысль семейную» через все повествование, описывая повседневные бытовые подробности, эстетизируя и порой сакрализируя повседневные понятия и явления, составляя идиллические схемы, с единственной целью – просветить своего читателя в наиболее сокрытой от посторонних глаз сфере и доказать высокую духовность семейного союза.

Список литературы

Бегичев Д.Н. Семейство Холмскихъ. Некоторые черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ : в 6 ч. / Д.Н. Бегичев. – М. : въ типографіи Николая Степанова, 1841.

Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с.

Бурмистрова С.В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе

середины XIX века / С.В. Бурмистрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 8. – С. 73-79.

Лебедев В. О духе, в коем развивалась российская литература со времен Ломоносова, и влиянии, какое имели на сие развитие литературы иностранные» / В. Лебедев. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1833. – 56 с.

Плечова Н.П. Идиллия в нравоописательном романе Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» / Н.П. Плечова [электрон. ресурс]. – Режим доступа: pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt151/wt151_24.pdf (дата обращения: 21.01.2013).

Русские писатели: библиографический словарь: в 2 ч. / под ред. П.А. Николаева. – Ч. 1. – М. : Просвещение, 1990. – 430 с.

Фридлендер Г.М. Нравоописательный роман в творчестве романтиков 30-х годов / Г.М. Фридлендер // История русского романа : в 2 т. – Т. 1. – М. ; Л., 1962. – С. 251-277.

О РОССИИ И РУССКИХ ПО-ЗАПАДНОМУ: «ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ» ВАСИЛИЯ ЯНОВСКОГО

М.А. Ширяева

*Научный руководитель: Л.В. Жаравина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Василий Яновский неоднократно утверждал, что ни один из «старшего поколения» эмигрантов не имеет никакого отношения к достижениям эмигрантской литературы. Литература русского зарубежья, по его мнению, была представлена только творчеством «младшего поколения» прозаиков и поэтов, вынужденных в трудных условиях обращаться к творческому поиску, объединяя в себе традиции как русской, так и зарубежной литературы. Оказавшись в эмиграции, Яновский сформировался как литератор в предвоенном Париже. В своих мемуарах он скупыми и точными штрихами воссоздает творческую атмосферу литературного Парижа 30-х годов с ощутимым предчувствием приближающейся войны. Перед нами проходит целый ряд и как выдающихся, так и вполне заурядных деятелей эмиграции, от Бунина и Мережковского до Злобина и Проценко, и каждое, даже самое обыкновенное лицо запечатлевается благодаря ярким деталям, используемых автором.

Задача мемуаров В. Яновского заключается в том, чтобы превратить субъективное художественное повествование в более или менее объективный исторический документ, и потому книгу предваряет эпиграф из Вольтера «О мертвых мы обязаны говорить только правду» и комментарий к нему автора: «Я должен вас предупредить, чтобы вы не удивлялись, если я буду о мертвых повествовать, как о живых».

К характерным чертам повествования Яновского относится еще и то,